

Янь Хэцин простоял лишь несколько секунд, когда рядом остановилось такси.

Он сел в машину, назвал адрес и посмотрел в окно. Когда автомобиль тронулся, за стеклом скользили неясные силуэты фонарей и проезжающих машин. Мимо проехала ещё одна машина.

Он поднял глаза. Вдали в окнах верхних этажей отеля всё ещё горел свет.

Наверное, уже началось.

С безмятежным лицом подумал Янь Хэцин.

*

2120

У Линь Фэнчжи от боли слёзы текли градом. Лу Мучи, нависший над ним, был чужим и жестоким. Он совершенно не мог его сдвинуть, тот излучал опасность и тяжело прижимал его к кровати...

Линь Фэнчжи весь дрожал. С трудом, срывающимся голосом, он выдавил: “Ты... ты что... хочешь сделать?..”

В его глазах трепетал страх — настоящий, парализующий ужас.

Лу Мучи молчал, кончиками пальцев глядя по подбородку Линь Фэнчжи.

У того мгновенно пошли мурашки по коже. Он испугался. На самом деле, он уже давно начал догадываться, что Лу Мучи, возможно, испытывает к нему чувства. Но он сам не был в этом уверен, и, главное, не любил Лу Мучи, поэтому просто старался этого не замечать. Теперь, когда он понял, что Лу Мучи собирается сделать, он стал вырываться, стуча руками и ногами: “Ты с ума сошёл?! Я не люблю тебя! А-а!..”

Но Лу Мучи легко его прижал. Линь Фэнчжи не мог пошевелиться. У него тут же навернулись слёзы: “Лу Мучи, не надо... мне страшно...”

Лу Мучи словно не слышал его. Его прикосновения становились всё грубее и бесцеремоннее. И вот, когда Линь Фэнчжи не выдержал и закричал от боли: “А-а-а!”

Лу Мучи остановился.

В одно мгновение ему действительно захотелось просто взять его силой.

Вот он — тот, кого он так оберегал, такой “драгоценный” мальчик...

Который использовал его, а потом разделся и лёг в постель к его дяде.

Но, услышав крик Линь Фэнчжи, Лу Мучи вдруг ощутил опустошение. Всё стало бессмысленным. Он отдернул руку и бросил:

“Линь Фэнчжи, ты просто, чёрт возьми, тварь!”

Он поднялся с кровати и не оглядываясь, вышел из комнаты.

Когда Линь Фэнчжи наконец снова обрёл свободу, он не двигался. Слезы текли по его щекам. Его грудь сжимало чувство глубокого унижения. Только спустя долгое время он дотянулся до одеяла, крепко обернул им своё тело, свернулся калачиком и беззвучно зарыдал.

*

Лу Мучи спустился на лифте в подземный паркинг. Он сел в машину и, даже не пристегнувшись, рванул с места, не зная, куда едет.

Неизвестно, сколько прошло времени. Его взгляд остановился на блокноте, лежавшем на центральной консоли. Тёмно-зелёная обложка, под светом фар в узоре листьев слабо мерцал серебряный отлив.

Дневник...

Янь Хэцин!

Лу Мучи сжал челюсти, во рту сразу почувствовался вкус крови. Он резко вывернул руль и развернул машину, мчась туда, где жил Янь Хэцин.

*

Глубокой ночью в такси стояла тишина. Водитель не заговаривал, было видно, что этот юноша очень устал.

Уже почти полночь. Машин на дорогах почти не осталось, а светофоры чудесным образом всё время загорались зелёным. Такси приехало к подъезду на полчаса раньше обычного. Янь Хэцин расплатился, поблагодарил и вышел из машины.

В этом жилом комплексе в основном жили арендаторы. Пик возвращения с работы здесь наступал именно глубокой ночью, в большинстве окон горел свет.

Это же и объясняло, почему во дворе так много бездомных кошек.

Когда съезжали, кто-то забирал своих питомцев, а кто-то просто бросал их на месте.

Перед Новым годом таких кошек стало ещё больше.

Янь Хэцин поднялся на третий этаж. У его двери всё ещё стояло несколько коробок с кошачьими консервами. Он открыл дверь, не переобуваясь, повесил свежеполученную еду за дверь, снова закрыл, затем взял четыре коробки и понёс вниз.

Коробки были тяжёлые, нести их Янь Хэцину было нелегко, он двигался медленно. Добравшись до места, где он обычно подкармливал кошек, он открыл все банки, присел на корточки и начал расставлять корм по земле, при этом мягко позвал животных.

Через некоторое время из темноты одна за другой начали появляться кошки. Янь Хэцин кормил их регулярно, они его давно знали и не боялись, с аппетитом накинулись на еду.

Консервы были качественные: мясо и густой бульон. Бездомные кошки ели с огромным аппетитом.

Около ноги Янь Хэцина сидел особенно худенький котёнок. Он терпеливо охранял его, не подпуская остальных, пока тот не наелся вдоволь и не начал вылизывать шерсть. Только тогда Янь Хэцин поднялся и пошёл домой.

*

Подходя к подъезду, он увидел стоящий у входа Mercedes.

Машина стояла поперёк дороги, с распахнутой дверью. Видно было, что водитель выходил в ярости.

Придёт ли Лу Мучи или нет — всё это Янь Хэцин уже предусмотрел. Вопрос был лишь во времени.

Он даже не замедлил шаг и спокойно вошёл в подъезд.

Как только он оказался внутри, в воздухе раздался резкий звук — что-то пронеслось мимо его лица и с глухим стуком упало позади него. Правую скулу обожгло резкой болью, по-видимому,

кожу рассекло. Он слегка повернул голову: совсем недалеко от него на полу лежал тёмно-зелёный блокнот с узором в виде листьев, который мягко поблёскивал в тусклом свете.

Янь Хэцин не произнёс ни слова. Зато Лу Мучи не сдержался. Он смотрел на него с пылающим гневом взглядом и закричал: “Это дневник Линь Фэнчжи! Ты нарочно оставил его у меня в машине!”

Длинные ресницы Янь Хэцина опустились, в глубине глаз промелькнул тонкий отблеск.

Он мгновенно уловил ключевую деталь: Лу Мучи не узнаёт почерк Линь Фэнчжи.

В век интернета люди в основном общаются печатным текстом.

В одно короткое мгновение у Янь Хэцина родился идеальный ответ, который не только решит проблему, но и косвенно поможет в реализации его следующего плана.

Он развернулся, наклонился и поднял блокнот, крепко сжал его в руке, не выказывая ни малейшего волнения. Затем повернулся обратно, спокойно встретив ярость Лу Мучи.

“Да”, — сказал он.

Лу Мучи ничуть не сомневался. Янь Хэцин — старший брат Линь Фэнчжи, они наверняка общаются за спиной всех, и получить дневник младшего брата для него вполне естественно.

Глаза Лу Мучи сузились, в его взгляде скользнуло что-то опасное. Он пристально смотрел на Янь Хэцина: “Зачем ты это сделал?”

Янь Хэцин прекрасно знал, что Лу Мучи влюблён в Линь Фэнчжи, и тем не менее подsunул ему дневник, заставив пойти и застучать измену. Значит ли это, что...

Ответ уже почти всплыл на поверхность. Сердце Лу Мучи забилось чаще.

Но Янь Хэцин не ответил прямо. Его взгляд оставался чистым, как прозрачная родниковая вода.

Он спокойно выдержал пристальный взгляд Лу Мучи: “А и правда... зачем?”

На первом этаже сработал датчик движения, вспыхнул мягкий свет. Тёплое оранжевое сияние легло на лицо Янь Хэцина.

У него на правой скуле, совсем рядом с глазом, от дневника осталась неглубокая царапина. Из

неё сочилась тонкая полоска крови, будто кто-то подвёл нижнее веко алой подводкой. Его светло-карие, с золотистым песком лисьи глаза в тусклом свете казались завораживающе красивыми, полными природной обольстительности и тайны.

У Лу Мучи резко пересохло в горле. Такого он не почувствовал даже тогда, когда увидел обнажённого Линь Фэнчжи.

Он невольно смягчил голос: “Я задал вопрос тебе, а не ты мне”.

Янь Хэцин спокойно ответил: “Ответы надо находить самому. Их не говорят вслух”.

Он шагнул вперёд. Лу Мучи стоял в проходе к лестнице, и Янь Хэцин слегка задел его рукой, проходя мимо: “Спасибо за кошачий корм. Им очень понравилось”.

Янь Хэцин не торопясь поднялся по лестнице. Шаги звучали ровно и спокойно. Лишь когда хлопнула дверь квартиры, Лу Мучи наконец очнулся. Он запрокинул голову и уставился в темноту лестничной клетки.

В его голове постепенно складывался ответ: Янь Хэцин не хочет быть заменой Линь Фэнчжи.

Но при этом нарочно показал, что Линь Фэнчжи влюблён в его дядю.

Значит, это всё потому, что...

Янь Хэцин... ревнует?

Он... влюблён в него?

Сердце неожиданно болезненно дернулось, будто удар из ниоткуда.

*

Закрыв дверь, Янь Хэцин переобулся, сначала направился на кухню. Свет он не включал — воспользовался тусклым освещением от уличного фонаря за окном. Он развернул блокнот, вырвал страницу с дневником, достал спички из записки и чиркнул одной. Оранжево-красное пламя вспыхнуло маленькой искрой. Янь Хэцин поджёг уголок листа и протянул его над раковиной.

Он спокойно смотрел, как бумага горит, отражённое в зрачках пламя будто две жаркие, бушующие огненные искры, пылающие в глубине глаз.

Через несколько секунд чёрные обугленные хлопья начали осыпаться.

Когда бумага сгорела полностью, Янь Хэцин открыл кран и смыл пепел в слив.

Вернувшись в комнату, он почувствовал лёгкую боль от царапины, поэтому наклеил пластырь.

*

На следующее утро Янь Хэцин, как обычно, вовремя проснулся, повторил слова, позавтракал и вышел на работу.

Воскресенье, посетителей почти не было, и он спокойно отработал последний день в кафе.

Чжан Цин узнала от управляющего, что Янь Хэцин больше не придёт. Хотя она знала, что так будет, всё равно впервые подумала: иногда неплохо, когда время тянется медленно.

Она сбегала на кухню, набрала большой пакет сливок для животных, собрала эмоции и с яркой улыбкой протянула ему:

“Если захочешь зайти или побаловать пушистиков — всегда приходи!”

Янь Хэцин вежливо улыбнулся: “Спасибо”.

В конце смены управляющий рассчитал его и даже добавил три тысячи юаней премии:

“Если решишь поработать летом или на зимних каникулах — двери всегда открыты!”

Янь Хэцин согласился.

С сумкой сливок и последней купленной по скидке порцией сливочного пирожного он покинул кафе.

Проходя мимо штаб-квартиры корпорации Лу, он поднял взгляд. Верхний этаж скрывался высоко в небе, с улицы был совсем не виден. Вчера вечером Лу Линь, наверное, его не заметил...

Отведя взгляд, Янь Хэцин вдохнул холодный зимний воздух. Ветер больно щипал кожу. Он натянул шарф повыше, закрыв нижнюю часть лица, и шаг за шагом, под тусклыми уличными фонарями направился к станции метро.

Около восьми вечера Янь Хэцин вернулся домой. Ужин он готовить не стал. Налил себе стакан горячей воды, открыл упаковку со сливочным пирожным и в тишине съел свой сегодняшний ужин.

В его воспоминаниях первое в жизни пирожное — как раз такое сливочное: простое, сверху с маленькой глазированной вишенкой. На самом деле вкус у таких вишен странноватый, но, возможно, потому что пирожное тогда купила мама, он всегда ел его с огромным удовольствием.

Доев пирожное, Янь Хэцин выдвинул ящик в журнальном столике. Внутри спокойно лежал его пропуск волонтера из приюта “Радужный мост”.

Синяя лента, пластиковая карточка с надписью “Приют Радужный мост”.

Янь Хэцин достал пропуск, потом взял школьный рюкзак и открыл боковое отделение.

Когда он делал фото на удостоверение личности, заодно заказал и комплект снимков — на всякий случай. Он достал лист, на котором было восемь фото: по четыре в два ряда.

Янь Хэцин взял ножницы, аккуратно вырезал одну фотографию, затем вытащил из пластикового кармана сам пропуск, наклеил туда фото. В поле “Имя” он отвинтил колпачок авторучки и аккуратно каллиграфическим почерком, как печатным шрифтом, вписал: Янь Хэцин.

Когда закончил, он вернул пропуск в пластиковую обложку, положил на стол и достал телефон. Навёл камеру и сфотографировал удостоверение.

[Завтра — новая работа.]

Эту подпись с фото он опубликовал в ленте для друзей, где публикация была доступна только Лу Линю.

Теперь в его контактах появился “Линь Фэнчжи”.

Линь Фэнчжи каждый день публиковал что-то в “моменты”: фото еды, пейзажи. Но вчера не выкладывал. Значит, пережил сильное потрясение.

Янь Хэцин не знал, приходил ли Лу Линь вчера в номер 2120. Эту запись он выложил, чтобы проверить реакцию Лу Линя.

Если тот действительно заинтересовался им, то не оставит это без внимания.

В прошлый раз, когда он был в приюте, сотрудник, который его провожал, по телефону говорил, что некая компания собирается спонсировать “Радужный мост”. Сейчас, оглядываясь назад, Янь Хэцин почти уверен, речь шла о группе Лу.

Янь Хэцин предположил, что корпорация Лу занимается благотворительностью.

А раз занимается, то не может прийти всего один раз.

У Лу Линя будет причина появиться завтра.

Но если речь о рядовой благотворительности, Лу Линь вовсе не обязан являться каждый раз. А если он завтра всё-таки придёт, значит, он увидел его пост в соцсетях.

Янь Хэцин отложил телефон и устроил себе выходной на вечер, больше не повторял материал.

Послезавтра начинались финальные экзамены. Он уже был готов.

Решив, что можно позволить себе немного расслабиться, Янь Хэцин выбрал хорошенько выспаться. После душа он полил суккуленты и лёг спать.

Было всего-то девять часов.

*

Лу Линь действительно увидел пост Янь Хэцина.

На фото для документов с синим фоном юноша выглядел чисто и опрятно, уголки губ были чуть приподняты в лёгкой улыбке.

Сделать такую удачную фотографию для удостоверения. Лу Линь видел такое только у Янь Хэцина.

Таким хрупким и тонким парнем был только он.

В голове снова всплыл взгляд на его спину на вчерашнем банкете.

Затем Лу Линь отложил телефон, взял стационарный и связался с помощником.

На звонок ответили быстро.

“На какой день запланирована раздача подарков от фонда в детском доме “Радужный мост”?”

Когда Лу Линь позвонил в воскресенье, помощник подумал, что случилось что-то срочное. Услышав, что речь о детдоме, облегчённо выдохнул и сразу ответил: “На следующую субботу”.

“Перенеси на завтра. Пришли мне список подарков”.

Лу Линь повесил трубку.

Помощник был потрясён: Лу Линь впервые интересуется такой мелочью, как список подарков!

Не то чтобы Лу Линь игнорировал мелочи, просто в корпорации Лу работают сотни тысяч человек, а запуски проектов ежедневно исчисляются миллиардами. Если бы он стал вникать во всё сам, ему бы и двадцати четырёх часов в сутки не хватило.

Он занимается только важнейшими делами, а прочее входит в обязанности сотрудников.

Помощник поспешно отправил ему список.

Лу Линь открыл почту, скачал список подарков и внимательно его просмотрел. Там были стандартные вещи: канцелярия, книги, игрушки, одежда, молочные смеси, сладости, а также самое нужное для приюта — подгузники.

Долистав до последней страницы, Лу Линь снова позвонил помощнику:

“Добавь один “Куб света”.

Помощник знал, что такое “Куб света” — это декоративный прозрачный арт-объект с подсветкой. У Лу Линя на рабочем столе стоял такой.

Но в отличие от обычных экземпляров, его куб был сделан из чистого хрусталя.

Говорили, стоил он несколько сотен тысяч.

Помощник не понимал, зачем Лу Линь решил добавить в список подарков такой предмет, всё-таки это просто украшение. Но раз босс велел, значит, надо выполнить.

Он добавил “Куб света” в список. Вспомнив кое-что, сразу спросил:

“Вы собираетесь поехать завтра лично? Нужно ли добавить ещё СМИ?”

“Отменить прессу”, — Лу Линь взглянул на часы: “Выезжаем завтра в девять утра”.

Что означало: он поедет сам.

“Сейчас всё организую!” — ответил помощник.

*

Янь Хэцин прекрасно выспался. Завтракать он не стал. Сначала встал на весы.

58,5 кг

Всё ещё худощав, но вес стабильно рос.

На завтрак он съел два баоцзы размером больше обычных.

На метро и пешком до детского дома “Радужный мост” он добрался к половине восьмого.

В вахтёрской никого не было, ворота были открыты.

Янь Хэцин вошёл на территорию. Погода была неважная, небо затянуто тучами, в корпусах, где жили дети, горел свет — они уже проснулись.

Янь Хэцин сразу пошёл помогать.

Некоторые дети, особенно те, кто был парализован, не могли обслуживать себя и нуждались в помощи при одевании.

Парализованные дети жили на пятом этаже.

Стоило подняться, как его окутал лёгкий запах сырости. Коридор был плотно закрыт мелкочаеистой металлической сеткой, даже если выглянет солнце, его отсюда почти не видно.

Классов там не было, лишь два больших общего типа помещения: одно для мальчиков, другое для девочек. Двери были настежь, и изнутри лился свет.

В первой комнате жили восемь маленьких мальчиков. Все либо парализованы, либо с синдромом Дауна, неспособные самостоятельно себя обслуживать.

Знакомая тётя Чжан, которую он видел в прошлый раз, проворно меняла подгузник одному из мальчиков.

Этим детям уже по восемь-девять лет, но ночью за ними некому присмотреть. Если не надеть подгузник, они зальют всю кровать.

Эта работа тяжёлая и грязная. Раньше сюда приходили волонтеры, но после одной смены сбегали, стоило поменять подгузник — их тут же начинало тошнить, и на пятый этаж они больше не возвращались.

Тётя Чжан думала, что и Янь Хэцин поступит так же. Это нормально, молодым людям такое даётся нелегко, она понимала.

Но, к её полному удивлению, Янь Хэцин не только справлялся, но ещё и делал всё с особой аккуратностью и старанием.

Когда пришла очередь девочек в соседней комнате, он даже вышел и закрыл дверь, дожидаясь, пока тётя Чжан всё закончит. А потом молча зашёл, чтобы прибрать оставшийся после всего беспорядок и запах.

Тётя Чжан всё это видела. По дороге на кухню, куда шла помогать, она сама заговорила с Янь Хэцинем: “Младший Янь, у тебя, наверное, есть младшие брат или сестра? Так хорошо заботишься”.

Янь Хэцин только улыбнулся и не ответил.

Тётя Чжан всё поняла. Похлопала его по руке — в знак сочувствия и поддержки. На кухне она специально поручила Янь Хэциню раздавать завтрак, парень только что очень устал.

Она откопала ненужный белый халат и вручила его Янь Хэциню.

Иногда бывает, что не одежда украшает человека, а человек одежду. В халате Янь Хэцин выглядел как студент: сдержанный, с книжным духом. Даже на фоне столовой казалось, будто он работает в лаборатории.

У окна раздачи Янь Хэцин ловко распределял еду.

Меню было вполне неплохим: рисовая каша, жареные палочки ю тяо, мясные баоцзы и каждому ребёнку по яблоку.

Яблоки были мелкими и некрасивыми, но на вкус хрустящие и сладкие.

Дети с любопытством глазели на Янь Хэцина. Получив завтрак, не уходили, а толпились у окна, вставая на носочки, чтобы получше его рассмотреть.

Со всех сторон доносилось: “Братик, ты такой красивый!”

“Братик, ты ещё придёшь к нам?”

В это же время в приют “Радужный мост” въехали три больших грузовика. Сразу за ними — чёрный Bugatti.

Директор ждал у ворот. Когда Bugatti припарковался на временной стоянке у спортплощадки и дверь открылась, директор увидел, что вышел не помощник, а сам Лу Линь. Он тут же поспешил вперёд, пожал ему руку и с энтузиазмом заговорил: “Господин Лу, вы, наверное, ещё не завтракали? Пойдёмте, у нас как раз раздают завтрак!”

Он показал на здание неподалёку: “Вон там, на первом этаже, совсем рядом!”

Лу Линь вежливо пожал руку директору, чёрные глаза окинули территорию, и, не увидев кого искал, он отвёл взгляд и спросил: “Разве сегодня нет волонтёров?”

Директор растерялся. Волонтёры? Какие волонтёры? Он ничего не понимал, но всё же ответил: “В это время они, наверное, помогают в столовой”.

Лу Линь сразу же направился туда.

<http://bllate.org/book/15726/1407443>